

Город Муром и его кремль

Юрий Михайлович Смирнов

Муромский историко-художественный музей, Российская Федерация
главный научный сотрудник
E-mail: smirnov@museum-murom.ru

Аннотация. В статье на основе обширного материала рассматривается история города Муром и его кремля. Представлена реконструкция его крепостных сооружений.

Ключевые слова: город Муром, история, Кремль.

Если дата возникновения Мурома, несмотря на, казалось бы, точное ее указание в Начальной русской летописи – 862 год – уже давно вызывает справедливое сомнение, то признание его одним из первых и старейших городов Руси бесспорно. В этом случае, исходя из аксиомы, что один из важнейших признаков древнерусского города – наличие мощного укрепления, следует предположить существование такого сооружения – кремля – и в Мурома. Однако достоверных сведений о наличии чего-то подобного в городе в ранний период его истории нет. Во всяком случае, археология не имеет практически никаких данных о городских фортификациях. Отчасти это обусловлено тем, что полномасштабных раскопок на территории, где мог стоять кремль, не проводилось; отчасти тем, что в результате и природных катаклизмов, и того, что принято сейчас называть антропогенным фактором, вероятность обнаружения крепости достаточно невелика. Пока же в этом ряду находок следует отметить обнаруженное Н. Н. Ворониным в 1946 г. углубление, которое он интерпретировал как остатки рва, защищавшего убежище племени мурома в то время, когда еще и города не было [1]. В 1998 г. во время спасательных раскопок на глубине 155-205 см от современной дневной поверхности обнаружен очень плотный слой щепы и древесных остатков. «Происхождение этого слоя... может быть увязано только с крупномасштабным и недолговременным строительством, которым в хронологическом диапазоне находок могло быть строительство муромского деревянного кремля в XI в.» [2].

Так что предположительно можно говорить о существовании кремля примерно с X-XI в., тем более, что к этому времени Муром уже определенно был городом, а не племенным центром [3]. Некоторые исследователи считают, что кремль в этом месте был построен только после XIII в., а до того находился несколько северо-западнее [4] (археологически это не подтверждено). Едва ли не первое достоверное упоминание о кремле относится только к середине XV в.: «Городская крепость, находясь в хорошем положении,

1458 г. Сентября 29 подверглась свирепости огня: кремль города Мурома выгорел весь» [5].

Муромский кремль был деревянным. В нашем климате деревянный город ветшал примерно за тридцать лет. С конца XI по начало XVII в. Муром не менее тридцати раз подвергался осадам [6], во время которых и горел, и бывал разрушен, и приходил в запустение после эпидемий; неоднократно страдал от бытовых пожаров [7]. К тому же менялась техника строительства, отрабатывались приемы захвата городов, совершенствовалось оружие. Это влекло изменения в конструкции оборонительных сооружений. Так что за примерно восемь веков существования муромский кремль неизбежно пережил многие изменения в своем облике [8]. К сожалению, ни одна из прошедших эпох не оставила полномасштабных свидетельств о том, каким был кремль. Поэтому для его воссоздания приходится использовать те крохи, которые рассыпаны и отыскиваются в документах разных периодов.

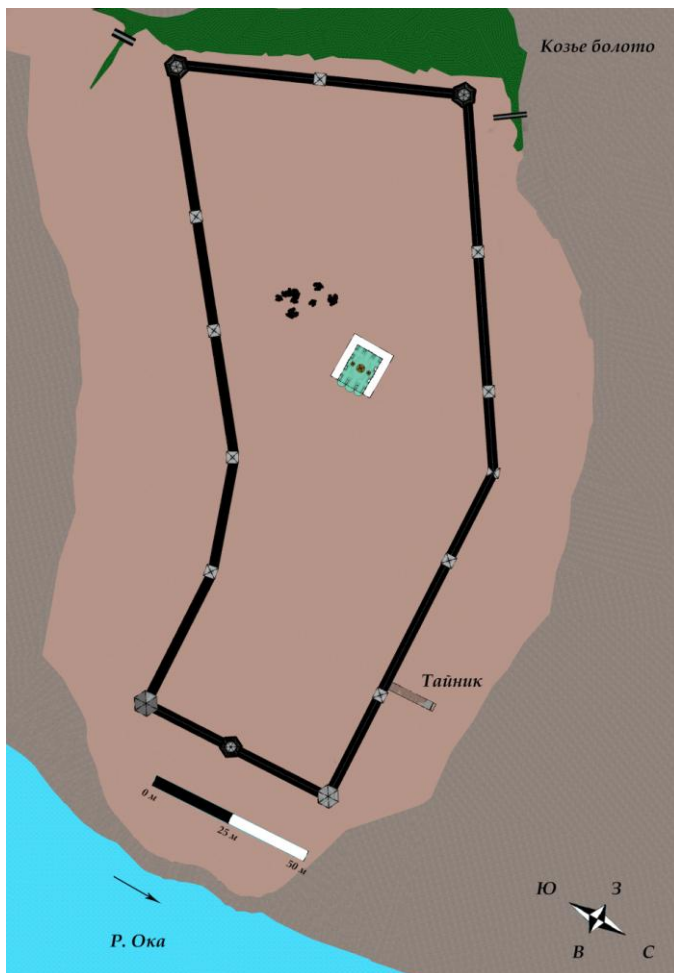

Рис. 1. Кадр «Сверху». План муромского кремля XVII в. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

С точки зрения обороны Муром – полукруглый по структуре город – и его кремль занимали выгодное положение, максимально используя защитные свойства рельефа местности [9]. Кремль стоял на высоком («12-15 саж. над уровнем реки» [10], т. е. приблизительно 25-32 м. – Ю. С.) холме левого берега Оки. С востока холм спускался к реке, с юга и севера его защищали глубокие – до 30 м – овраги с крутыми откосами, с запада протекала Козья

речка, выполнявшая роль рва. Ее истоком было Козье болото, лежавшее в нескольких десятках метров от кремля.

С Кремлевского холма хорошо просматривались городские посады. С востока город прикрывала полноводная и широкая Ока, с юго-запада (касимово-рязанское направление) – большое Торское болото, начинавшееся километрах в 3-4 от кремля. По болоту в направлении на Рязань была выслана гать. С северо-запада Муром защищали леса, настолько дремучие, что порой свои рати блуждали в них [11]. Таким образом, наиболее опасными для города направлениями продвижения противника в теплое время года были пути по Оке и вдоль ее западного берега.

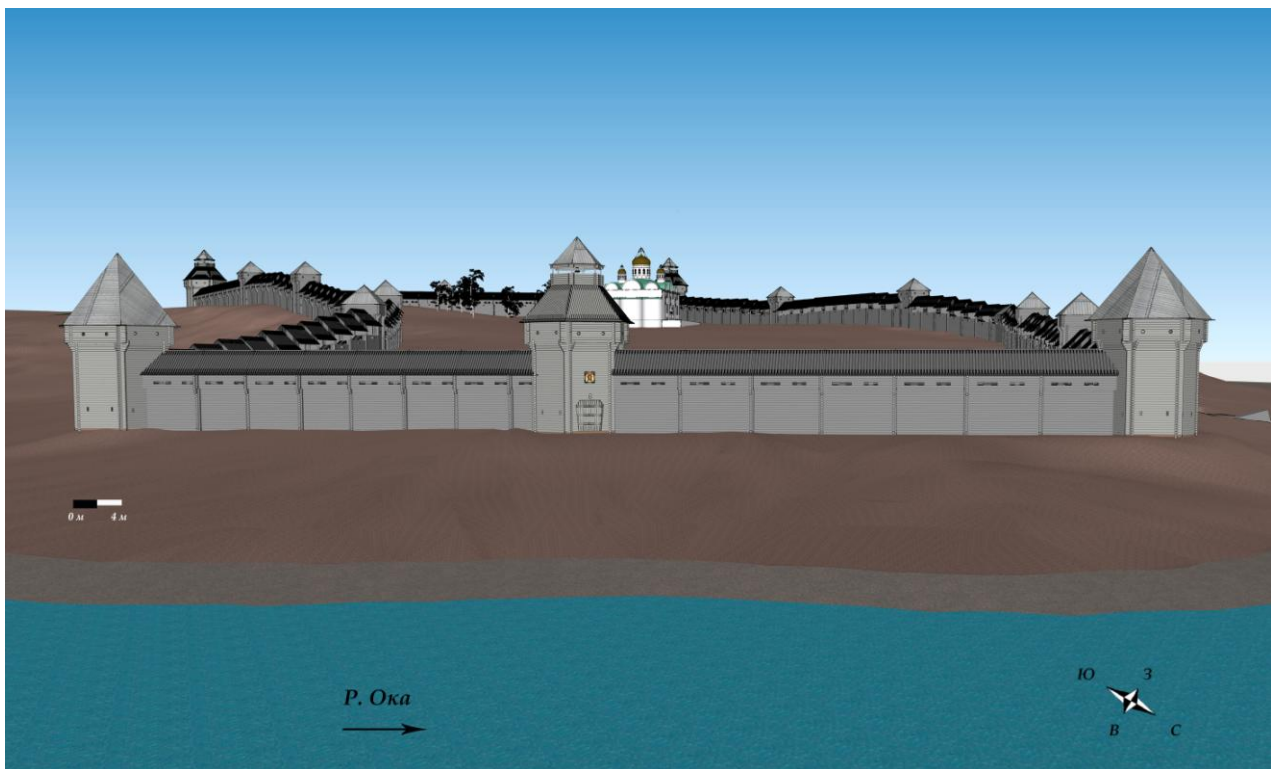

Рис. 2. Кадр «Восток». Муромский кремль 1678 г. Восточная стена. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

К началу XVII в. Муром, благодаря Оке, являлся городом крупным, важным военно-стратегическим и торговым центром. Он лежал на торговом пути из Москвы на восток, к Волге и Каспию. Река служила не только удобной дорогой для купцов, но и являлась естественной оборонительной линией для русских земель, находившихся к северу от нее. Автор конца XV в. даже назвал Оку «поясом пресвятой Богородицы, защищающим Русскую землю от врагов» [12].

Муром был звеном этого пояса и одновременно играл роль самостоятельного укрепления, отражал набеги степняков и иных супостатов; был местом размещения полков [13]. Здесь же собирались рати для дальних походов, как, например, в октябре 1582 г. соединились войска для зимнего рейда «в Казань горней черемисы воевать, что черемиса заворовалась» [14].

Здесь находились русские посадники, иногда князя с дружинами; был он и местом политической ссылки [15].

После покорения Иваном Грозным Казанского ханства в 1552 г., и с укреплением южных границ страны, которые были отодвинуты еще южнее, военное значение Мурома снижается. Город был отнесен ко второй линии обороны. Однако на первых порах на русские пределы продолжались набеги «незамиранных» народов Поволжья [16]. Князь А. Курбский в «Истории о великом князе Московском», желчно отмечал, что князья казанские и «поганные языки» воюют Казань «и на землю Муромскую... наезжают и пленят... Того было безпрестанне аки шесть лет после взятия места Казанскаго» [17]. Даже в 1573 г. московское правительство держало на линии Елатьма – Муром – Нижний Новгород – Шуя – Плес пять полков против казанских людей, и только в сентябре того года в Муроме на переговорах казанцы «добили челом» государю» [18].

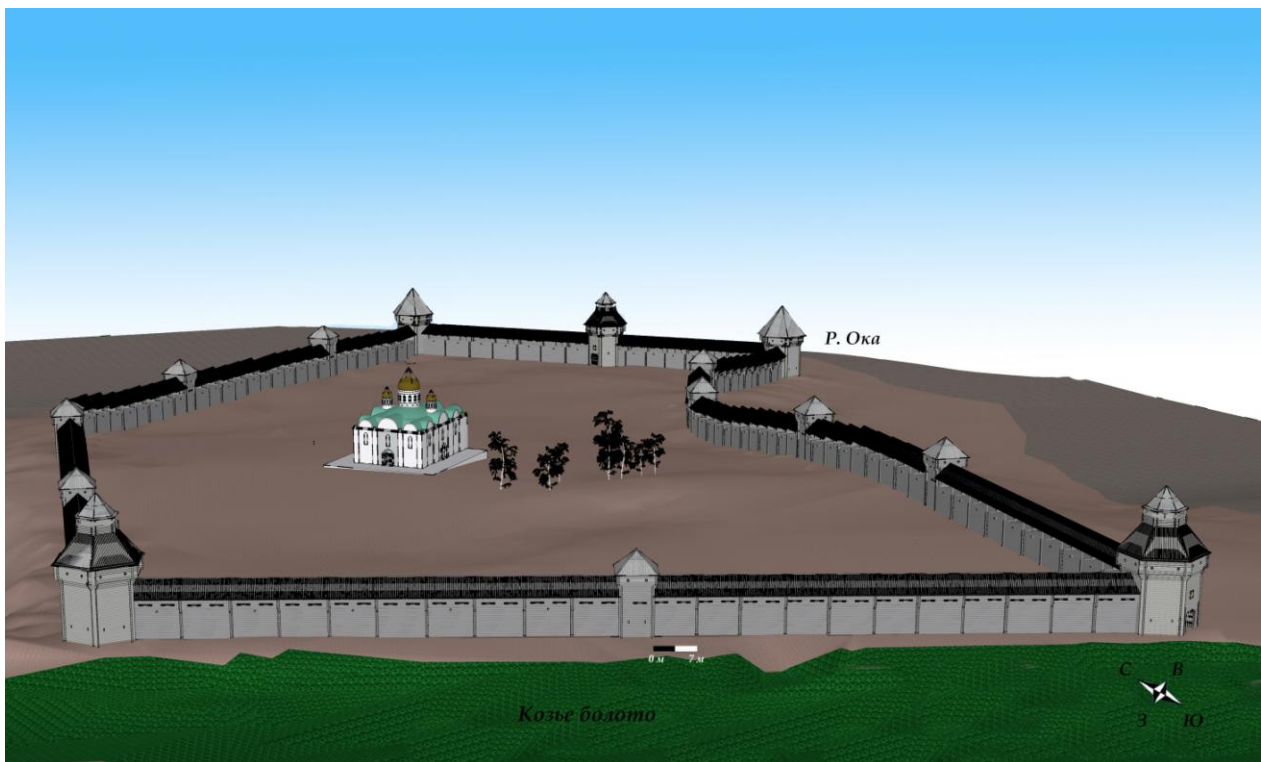

Рис. 3. Кадр «Запад». Муромский кремль 1678 г. Западная стена.
Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

Затем и Смутное время, все перипетии которого испытал Муром («В Муроме дворян и детей боярских и черных людей многих побили на смерть», – докладывал владимирский воевода М. Вельянинов [19]), и крестьянские войны показали, что внутренние крепости еще играют важную роль в обеспечении безопасности государства. Во время восстания Стеньки Разина, например, касимовский воевода бежал в Муром, поскольку укрепления Касимова сгорели в том же году [20]. По сему поводу уже муромский воевода А. Шеховский писал государю в челобитной: «В нынешнем Октябре при-

шел в Муром в приказную избу Касимовский воевода Тимофей Караулов сказал: приехал де он Тимофей из Касимова боясь от приходу воровских людей, потому что в Касимове города и острогу нет... и он де Тимофей, слыша от их воровских людей проход из Касимова в Муром и приехал, а от Муром, Государь, Касимов только в семидесяти верстах, а от тово приходу воровских людей в Муроме в осаде без служилых людей быть опасно, а снаряду Государь в Муроме только одна железная пушечка небольшая да 29 мушкетов и о том снаряде я холоп твой к тебе великому государю к Москве в пушкарский приказ в нынешнем году в Октябре месяце... писал» [21].

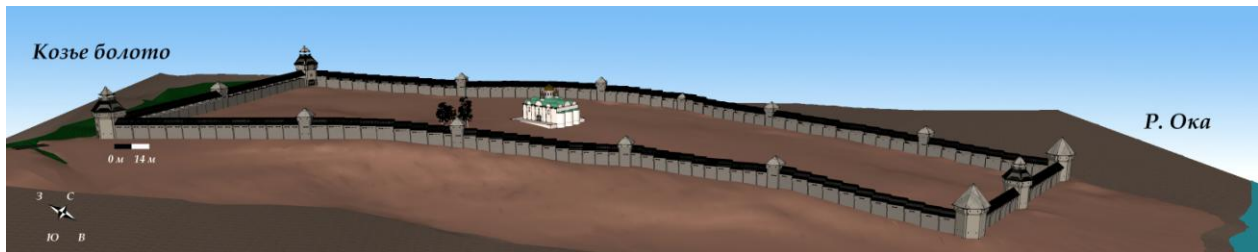

Рис. 4. Кадр «Юг». Муромский кремль 1678 г. Южная стена. Реконструкция. Компьютерная графика И. Ценилов

Обо всем этом свидетельствуют и многие отечественные письменные документы, и записи не столь частых просвещенных иностранцев-путешественников, дипломатов, волею судеб мелькнувших в Муроме. Однако прямых сведений о городских укреплениях в них почти не встречается. Отметив в дорожных записях самые общие впечатления о Муроме, залетные иноземцы оставили крайне мало каких-либо конкретных описаний. Это и понятно: с одной стороны, заморский вояжер проезжал, спеша по иным делам, и его пребывание в Муроме было кратким. С другой – иностранцев в «город» (кремль) не пускали, ибо каждый проезжающий гость из далеких стран – и не без основания – местными властями подозревался в шпионаже. Это, тем не менее, не помешало Э. Дженкинсону, в своих путешествиях четырежды проплывавшему мимо Муром, в 1558 г. радостно отметить в путевых записках, что выглянуло солнце, и он смог определить географические координаты города под 56° , под которыми и указал Муром на изданной им географической карте (для ср.: справочник 1911 г. приводит $55^\circ 35'$ с. ш.) [22]. Однако сам Муром Дженкинсон лаконично называет «прекрасным» [23]. Глава шведского посольства П. Юстен в 1570 г. был отправлен русским царем в заключение в Муром, и в повествовании о своих мытарствах тоже ничего не сообщает о крепости, хотя от скуки подробно сосчитал, сколько бревен пошло на изготовление ограда вокруг его дома [24]. Дон Хуан Персидский называет Муром, который посетил в самом конце XVI в., просто «большим и многолюдным», несмотря на то, что за тридцать лет до этого, как раз в бытность в нем Юстена, город пережил моровое поветрие и обезлюдел [25]. Но уже в начале XVII в. еще один посланник шведского короля

Карла IX, путешествовавший по России в 1608 и 1611 годах, пишет о плачевном состоянии города: «К востоку от Нижнего Новгорода лежит маленькая область, называемая Муром, имевшая прежде собственных Князей и Государей, но ныне и город, и крепость разорены» [26].

Русские купцы и воины – а именно они в XVI-XVII вв. составляли основную массу проходящих, проплывающих и проезжающих через Муром, – также не блещут красноречием и описанием подробностей «городского строения». Князь А. Курбский, например, в маршруте казанского похода Ивана Грозного 1552 г. всего лишь называет «место великое глаголемое Муром» [27]. В 1623 г. московский купец Ф. А. Котов, отправленный в Персию, кое-что поднапутав, отметил, что «город Муром деревянный рубленый, стоит высоко на земляном валу... Около города высокие места, холмы. В нем много каменных и деревянных храмов и домов. За городом на луговой стороне над Окою красиво расположены посады» [28].

Наиболее полные и достоверные сведения о муромских кремлях XVI-XVII вв. содержатся в Писцовых книгах [29], Книгах городского дела 1665, 1676, 1678 гг. [30] Однако и этих данных недостаточно, чтобы составить адекватное представление о муромской крепости того времени.

Относительно часто встречаются упоминания и описания муромского кремля в различного рода топографических и статистических справочниках и материалах XVIII-XIX вв., а также в исторических очерках и зарисовках того же времени. Хотя, казалось бы, эти издания выходят за хронологические рамки интересующего нас периода и порою имеют разночтения, тем не менее, они дают весьма ценный материал, без которого реконструкция кремля едва ли была бы возможной.

Первым и наиболее известным сочинением такого рода является труд обер-секретаря Сената И. К. Кирилова, законченный в 1727 году, «Цветущее состояние Всероссийского государства». «Книга первая, в которой описаны губернии и провинции, в них города, гарнизоны, артиллерии, канцелярии, конторы, управители с подчиненными, епархии, монастыри, церкви, число душ и разположенные полки, и доходы, как оные ныне состоят», повествует, что «Муром, город деревянной рубленой, в нем 2 башни проезжие, 4 глухих, по мере около города и башен 793 сажени с третью, стоит на реке Оке» [31], что, в общем-то, и «по мере около города», и по количеству башен весьма слабо согласуется с тем, что было сказано о муромском кремле и до, и после этого. Г. Х. Л. Бакмейстер со ссылкой на запросные известия из Муромской воеводской канцелярии от апреля 1764 г. утверждает, что муромский кремль построен «на луговой стороне Оки реки на деревянной осыпи. С трех сторон окружают его глубокие рвы, а с четвертой Ока река. Мерою около его 700 сажень. Ограждение деревянное, совсем развалилось» [32]. В этом описании неправильно указан берег реки, на котором стоит город: на самом деле он т. н. «нагорный», левый. Кроме того, непонятно, что такое «деревянная осыпь». По описанию Г. А. Рязского 1784 г. город «расположен на горе и по берегу реки Оки, по течению ее на левой стороне, которая называется Нагорная, а правая Луговая... Разделяется на две части: 1-я называется

Кремль, который окружен с трех сторон глубокими рвами, а с восточной рекой Окой» [33].

И. Токмаков со ссылкой на описи 1637 и 1678 гг. представляет Муром как дубовую крепость в форме неправильного четырехугольника «с проезжими и глухими башнями, заключаая 559 сажень в окружности... Крепость эта называлась кремлем, а иногда детинцем и даже городищем» [34]. Н.Н. Ушаков, называя те же 559 сажен в окружности, настаивает, что «крепость была окружена валом, а на валу шли две стены с башнями в три боя» [35]. Этим авторам вторит и муромский краевед-издатель В. И. Пехов [36], и современные исследователи [37].

Сложить объемную картинку из этих отрывочных и противоречивых фрагментов весьма проблематично. Не дают такого представления и имеющиеся изображения кремля: они или не документальны, или – являясь плодом творческой фантазии и «вариациями на тему» – не достоверны.

Ряд изображений муромского кремля представлен в иконописи и миниатюрах лицевых рукописей [38]. Большая часть икон иллюстрируют два житийных произведения муромского круга середины XVI в.: «Повесть о Петре и Февронии» и «Повесть о водворении христианства в Муроме» («Жития святого благоверного князя Константина и чад его Михаила и Феодора») [39]. Соответственно, и представляют они не реальный город, но легендарный, чудесный, идеально-символический, подобный Небесному Иерусалиму [40]. Лейтмотивом в них проходит отражение строк из «Повести о водворении христианства в Муроме»: «Град Муром во дни древние создание имея стены града каменная, и мраморная, и того ради нарицашеся град: Муром» [41]. «Но с этим толкованием нельзя согласиться, как совершенно натянутым, – еще в начале XX в. писал краевед Н. П. Травчетов, – если прилаг. мраморный (муравленный?) сблизать со словом Муром, или совершенно произвольным, если объяснить последнее лат. сл. *murus* (стена каменная), так как было не мало и др. городов, имевших каменные стены и тем не менее носившим другие названия» [42]. Следует отметить, что у Муромы никогда не было не то что мраморных, но и просто каменных стен. Однако при всей мифологической и идейно-эмблематической программе изображений, далекой от сухих фактов Писцовых книг, следует отметить некоторое совпадение топографических реалий – пусть схематично, а также некоторых деталей в изображении кремля [43].

Ближе к натуральному прообразу изображен кремль на иконе «Собор муромских чудотворцев» конца XVII в. [44] Деревянная стена с тремя башнями представлена с северо-запада, со стороны торговой площади. Крайние башни – проезжие, от них отходят мосты через Козью речку, как и задокументировано в Писцовых книгах.

Существуют и светские изображения муромской крепости, сделанные с натуры. Однако степень их достоверности невелика. Это рисунки в «Описании путешествия в Московию» немецкого ученого и путешественника А. Олеария [45]. Голштинское посольство, секретарем которого он был, в город не пустили. Олеарий видел его со стороны Оки (1636). При издании «Опи-

сания», художник, делавший гравюры по рисункам Олеария, «поправил» их по своему западноевропейскому разумению, сделав, например, стены и башни кремля каменными и добавив еще ряд деталей, характерных для европейских городов.

Такая же правка, вероятно, постигла и гравюры Н. Витсена [46], помещенные во французском издании Олеария 1719 г. Витсен рисовал русские города в конце XVII в. и бывал в Муроме. Все рисунки построены по одной композиционной схеме: первый и средний план заняты изображениями рек, причем в Муроме Ока протекает на расстоянии, гораздо большем от города, нежели сейчас. Затем представлена панорама «города на дальнем плане, за крепостной стеной встает лес церковных куполов и башен; городское пространство уплотнено – как ряды декораций, одна за другой напластовываются постройки, не лишённые, однако, узнаваемых черт» [47]. Действительно, при беглом взгляде на изображения Мурома, возникает сомнение, что на гравюрах запечатлен именно этот город. Однако при внимательном рассмотрении проявляются детали – и в расположении построек, и в топографии, и в рельефе – не оставляющие сомнения: это именно он. Рациональное объяснение порой находят самые невероятные и, казалось бы, невозможные в реальности элементы. Например, на гравюре Витсена за Муромом террасами простирается гряда холмов, которых в действительности не существует. Однако на этом месте часто появляются облака, поразительно напоминающие горы, за которые их и принял гравёр.

Есть еще одна группа источников, и, несмотря на то, что все они поздние – XVIII-XX вв. – реконструкция кремля без них невозможна: топографические карты, планы, схемы. Самый ранний из них долгое время, до бесспорно справедливой его атрибуции С. В. Сазоновым как плана муромского, кремля фигурировал под названием «плана неизвестной крепости на Оке» начала XVIII в. [48] В работах по градостроительству он приводился как пример осуществления принципа «открытой планировки»: «Внутри правильного прямоугольника свободно расположена соборная церковь, приходская церковь, канцелярия и несколько домов» [49]. Или, более того, в 1988 г. Н.П. Крадиным он был отнесен к деревоземляным укреплениям Засечной и Белгородской черты, которые, в отличие от городов-крепостей, «имели геометрически правильные конфигурации планов» [50]. Автор исследования не учитывал, что план зафиксировал только половину крепости, и в данном случае «прямоугольность» его обусловлена не полной конфигурацией кремля, а изображением его фрагмента, да еще «на глазок».

Этот схематический план-рисунок последнего муромского кремля зафиксировал его агонию: у крепости только три стены – западная, фрагменты северной и южной. Вместо восточной идет весьма примечательная надпись: «Сия городовая стена от Оки реки по мере имелась на 100 саженьях, которая тому лет назад з дватцать полымя вешними водами отмыло и свалилась, которой имелось по углам по башне, в середине – башня с вороты» [51]. Фраза эта является ключевой для осуществления реконструкции муромского кремля.

Известны еще два плана второй половины XVIII в., связанные с кремлем. Один, 1769 г., опубликован Н. П. Травчатовым отдельным чертежом [52]. План, как указывает публикатор, исполнен капитаном-лейтенантом В. Пыляевым, когда тот делал инструментальную съемку Мурома в преддверии разработки его регулярной планировки по екатерининскому указу. Одной из особенностей плана являются несуразно толстые для кремля, такого, как муромский, стены – 5 сажень, т. е. от 11 до 13 метров.

Еще один план города опубликован В. Я. Чернышевым в его прорисовке и датируется им концом XVIII в.; исполнитель плана не указан [53]. На этом плане на Кремлевской горе обозначены контуры кремля, совпадающие по конфигурации с контурами на плане Пыляева. Ни башен, ни ворот на чертеже, как и на предыдущем, не обозначено. Описание в примечаниях к плану под литерой «А» гласит: «Земляной город или вал, именуемый Кремль внутри одного строения» [54]. Из примечания явствует, что деревянных сооружений на «валах» уже нет, но по городской привычке их еще называют «кремлем». Сами же составители плана кремлем его называть не рискуют и приводят более соответствующее определение – «земляной город». Толщина «валов» примерно такая же, как и у Пыляева: видимо, на плане обозначены не сами стены, а оставшееся и неразобранное еще грунтовое заполнение из них, к этому времени расплывшееся. Очевидцы того времени принимали его именно за валы и в своих соображениях об устройстве кремля помещали на них крепостные стены. Разобран кремль был после 1767 г. – года приезда в Муром Екатерины II, которая, отметив плачевное состояние кремля, для безопасности жителей приказала разобрать крепость [55]. Г. Коробов, составляя опись Мурома, уже в 1723 г. о крепости не упоминает, «может быть по ее ветхости или уже по небытности; ибо в половине 18 столетия упоминается об одной только башне». «Городская крепость, столь славившаяся твердостью стен и местоположением, видно не поддерживалась правительством», – сетует местный хроникер [56].

Известно несколько планов Мурома конца XVIII – начала XX вв. На них зафиксирован регулярный город, построенный после пожаров 1792 и 1805 годов [57]; кремль на них, естественно, уже не обозначен. Эти планы интересны и полезны тем, что по ним прослеживаются изменения рельефа Кремлевского холма – различия в площади его поверхности и варьирование конфигурации. Это чрезвычайно важно для реконструкции, поскольку предпринимавшиеся ранее попытки «посадить» кремль на современную топографию или вписать его в современный рельеф к успехам не привели. Об этом свидетельствует, например, попытка воссоздания кремля муромским архитектором Н. А. Беспаловым [58], выполненная достаточно произвольно. Главным в этом опыте была не попытка следовать документальным свидетельствам, а создание некоего, скорее даже умозрительного, образа. С использованием, видимо, каких-то исторических документов музейный художник-самоучка Н. Угрюмов в 1937 г. написал картину, на которой изобразил муромский кремль, обозначив в названии довольно широкий временной диапазон – XVII-XVIII вв., хотя изображенные на ней крепостные сооружения

более соответствуют XV-XVI вв. Позже, в 1950-е годы макет муромского кремля попытался изготовить увлеченный стариной местный художник М.К. Левин, однако несоответствие топосной описаниям неизбежно привело к нарушению масштаба, и кремлевские сооружения предстали в сильно искаженных пропорциях. Приведенная в коллективной монографии «Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков» [59] художественная реконструкция М. П. Кудрявцева по своей программе в определенном смысле ближе к изображениям на муромских иконах, чем к научным представлениям. Муромский кремль (и Муром в целом) показан здесь в соответствии с современными концептуальными установками исследователей, представляя город не столько таким, каким он мог быть в реальности, сколько таким, каким он должен был быть, если бы в идеале отразил предлагаемые тенденции градостроительства.

Летом 1768 г. в Муроме один за другим побывали два известных путешественника, составлявших описание России – академики И. Лепехин и П. Палас, которые независимо друг от друга сделали весьма ценные наблюдения, касающиеся как раз того самого гигантского оползня, о котором сделана запись на «плане неизвестной крепости» [60].

С учетом этих описаний становится ясным и характер разрушений, причиненных стихией, и то, почему некоторые информанты помещают город «на деревянной осыпи», трактуя ее как валы [61], и структура, а в некоторой степени и стратиграфия, культурного слоя. Как выглядела Кремлевская гора после катастрофических «полых вод», можно представить по имеющимся изображениям, близким ко времени события. На двух рисунках Курбанина (XVIII в.) [62], сделанных вскоре после катаклизма, отчетливо видны следы свежих оползней на южном, восточном и северном склонах горы.

Совершенно очевидно, что воссоздание облика кремлевской части Мурома следует начинать с реконструкции Кремлевского холма. Наложение девяти прорисовок поверхности, сделанных с разновременных планов и современных снимков из космоса, показали: имеется устойчивая тенденция к уменьшению ее площади. Визуальное сравнение рельефа на гравюрах Олеария и Витсена с рельефом на рисунках Курбанина и Дюрана, свидетельствуют, что в XVII в. восточный склон холма был более протяженным и пологим. Рельеф, сформированный к сегодняшнему дню, образовался за счет неоднократной нивелировки поверхности, проведения благоустройства территории, строительных работ и работ по сносу зданий, попытки устройства на северном склоне в середине шестидесятых годов прошлого века террасного парка, отсыпки смотровой площадки на восточной оконечности.

Как уже отмечалось, до последнего времени, основываясь на Писцовых книгах, муромский кремль считали построенным в форме четырехугольника [63], неправильного, вытянутого по оси В-З. Действительно, в конце XV – начале XVI вв. форма прямоугольника (или правильного многоугольника) получает четкое выражение в фортификации. К этому времени «с переходом от пассивной обороны к активной, с развитием огнестрельного оружия, с устройством раскатов и башен для флангового обстрела... предпочтение полу-

чает четырехугольная форма укрепления, а при значительных размерах города – многоугольная (полигональная). Хотя на конфигурацию стен по-прежнему оказывают большое влияние топографические условия» [64].

О построении правильного многоугольника на Кремлевском холме речь даже не идет; это обусловлено формой холма. Но ни один из множества четырехугольников, которые можно построить по размерам Писцовых книг, не вписывается ни в один из контуров холма [65].

По современной топографии можно определить угол схода западной и южной стен: он равен примерно 70° . Приняв за реперную линию визуальную наименее измененную современную ул. Первомайскую, по которой протекала Козья речка (параллельно ей шла западная стена крепости), получаем возможность построить достаточно жесткую конфигурацию сооружения. В этом варианте план кремля имеет форму неправильного семиугольника, который образовывали изломы стен, обусловленные строением рельефа местности. По очертаниям он близок к плану В. Пыляева, с той только разницей, что на плане 1769 г. угол схождения стен у Спасских ворот составляет 65° , а на нашей схеме оптимальное расположение кремля на холме выстраивается при угле в 75° . При этом семиугольная схема по сравнению с четырехугольной дает выигрыш в площади ок. 2000 кв. саж. Исходя же из того, что «как правило, в городах, построенных или реконструированных в XVI в. господствовало еще подчинение формы крепости топографическим условиям», по форме крепости была скорректирована реконструированная конфигурация Кремлевского холма [66].

Несмотря на то, что к концу XVII в. Муром уже не имел своего прежнего военного значения, в 1678 г. муромская крепость была выстроена заново вместо сгоревшей в 1671 г. по тому же плану [67].

Описание строительства, самой крепости, а также перечень ушедших на ее устройство материалов и занимавшихся работами людей содержатся в «Книге городского дела г. Мурома за 1678 г.» [68], на которую нам любезно указал С. В. Сазонов. Столь скрупулезные – вплоть до количества истраченных гвоздей – сведения о кремле позволяют соотнести их с реконструированными планом крепости и рельефом.

Но даже такой подробный документ оставляет множество вопросов, связанных с деталями сооружения. Неясной, например, остается форма воротных проемов, место их расположения на гранях шестиугольных башен; форма, количество и расположение боев; наличие и устройство внутренних переходов в стенах и башнях; конструкции лестниц, ограждения боевых ходов с внутренней стороны города, крыш, ворот и запоров, мостов, смотровых площадок «со звоны», «тайника» – подземного хода к источнику воды за пределами крепости. В процессе реконструкции эти элементы восстанавливались или по расчетам использованного для них материала, или по аналогии с конструкциями иных сооружений того времени, или посредством логических построений.

В некоторых описаниях имеется указание, что город имел две стены [69]. Это не означает, что в кремле был детинец или существовало две линии

обороны. «Двумя стенами» в этом случае называют не два самостоятельных защитных рубежа обороны, а конструкцию объема городских стен: за внешней бревенчатой стеной на некотором отдалении (в нашем случае – на расстоянии в 2 сажени, т. е. около 4,3 м) шла еще одна, внутренняя, связанная с внешней бревенчатыми же перемычками – «перерубами». Пространство между ними заполнялось грунтом. Верхняя часть сруба с боевыми ходами была несколько выдвинута вперед, образуя нависающий выступ, террасу (отсюда и ее русское название – «тараса»). Между выступом и основанием стены шла длинная щель – «облам», позволяющая сверху, с боевого хода, простреливать пространство, вплотную примыкающее к стене. В стене боевого хода устраивались «бои». Чаще всего в крепостях они располагались в трех уровнях: подошвенном (нижнем), среднем и верхнем. Нижние бои порою устраивались действительно в самом низу, у подошвы стены, и нередко предназначались для артиллерии, но в любом случае для подошвенного боя в стенах деревянного кремля надо было устраивать специальные боевые камеры. Остальные бои распределялись выше по вертикали, обеспечивая прострел осадного пространства.

Три уровня боев было и в муромском кремле. Однако никаких сведений о сооружении боевых камер нет ни в описании строительства, ни в описании кремля. Судя по более позднему изображению на плане «неизвестной крепости», «нижние бои» размещались на уровне боевых ходов стены.

Шесть нижних венцов стен и башен были сложены из дубовых бревен диаметром 6,5 вершков (ок. 30 см). Остальная часть строения – из хвойных пород дерева («елевая» и сосновая).

Прясла стен связывали 14 башен и одна полубашня, крытые шатрами из теса в два слоя. Полубашня представляла собой башню, но только в высоту стены. 11 глухих башен – 2 шестиугольных и 9 четырехугольных располагались следующим образом: на изломах стен – 3, на пряслах – 6, на углах – 2. Три шестиугольные башни – Спасская, Никольская 1-я (Базарная), Водяная были проездными, т. е. имели ворота. Спасская башня соединяла южную и западную стены кремля. От нее через мост надо рвом дорога вела к Спасо-Преображенскому монастырю, почему она и получила название. Над ее воротами, по городскому преданию, висела икона Спаса Нерукотворного, ныне хранящаяся в Муромском историко-художественном музее [70]. 1-я Никольская, она же Базарная башня, соединяла западную и северную стену. Выход из нее через перекинутый над оврагом мост вел на городской торг, где стояла Николо-Зарядская церковь. Можно с достаточной долей вероятности предположить, что ее надвратной иконой был один из изводов образа св. Николая. Третья воротная башня – Водяная – называлась так, потому что выходила к Оке в центре восточной стены. На шатрах всех трех проездных башен помещены караульные площадки (вышки) с вестовыми колоколами.

Две глухие непроезжие шестиугольные башни завершали фланги восточной стены, соединяя с ней примыкающие северную и южную стену. По ближайшим находившимся к ним церквям башня в юго-восточном углу

именовалась Козьмодемьянской, в северо-восточном Никольской 2-й (от Николо-Набережной церкви).

Восемь городен северной стены в прясле от полубашни до следующей глухой башни в направлении Базарных ворот имеют значительно меньшую длину, чем остальные. Это, видимо, свидетельствует о заметном перепаде высот в этой части рельефа.

Высота стен достигала 8,5, шестиугольных башен – 22-23, четырехугольных – 20 м. Диаметр Спасской и Никольской 1-й (Базарной) башен составлял ок. 12 м, Водяной и Никольской 2-й – ок. 10, Козьмодемьянской – ок. 11 м.

Несмотря на то, что эпоха деревянных городских укреплений в России подходила к концу, в 1678 г. в Муроме был достроен весьма мощный по тем временам кремль, сооруженный с учетом инженерно-фортификационных требований своего времени.

Примечания:

1. Воронин Н. И., Горюнова Е. И. Отчет Муромской археологической экспедиции АН СССР в 1946 г. // НА МИХМ. – № 343. – С. 31.

2. Бейлекчи В. В., Родин В. В. Новые археологические исследования в муромском кремле // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. – С. 9-17.

3. Смирнов Ю. М. Муром IX-XIII веков как средневековый город // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.-Сыктывкар, 2006. – С. 68-80; он же. Средневековый Муром по письменным источникам // Историческая демография. – М.-Сыктывкар, 2008. – № 1. – С. 10-13; он же. Об историко-краеведческих стереотипах в изучении Мурома // Рождественский сборник. – Ковров, 2009. – С. 16-24; Смирнов Ю. М., Сухова О. А. Муромский кремль: история, мифология, иконография // Пятые Яхонтовские чтения. – Рязань, 2010. – С. 219-234.

4. Раппопорт П. А., Кудрявцева Т. П. Города Рязанской земли // Древнерусское градостроительство X-XV вв. – С. 122-123.

5. Титов А. А. Историческое обозрение города Мурома // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. – Владимир, 1902. – Кн. IV. – С. 34.

6. Смирнов Ю. М. «Русский» Муром: Очерк этнодемографических контактов за тысячу лет // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – М.-Сыктывкар, 2005. – Вып. 3. – Ч. 2. – С. 82-95.

7. См., например: Сазонов С. В. Из истории муромского кремля XVII века // Уваровские чтения – VIII. – Владимир, 2012. – С. 10-13.

8. Древнерусское градостроительство XVIII-XIX вв. – М., – Т. 3. – С. 186.

9. Смирнов Ю. М. Фортификация средневекового Мурома // Сообщения Муромского музея – 2009. – Муром, 2010. – С. 5-15; он же. Монастыри в фортификационной системе средневекового Мурома // Российская провинция: история, традиции, современность. Рождественский сборник. – Ковров, 2006. – С. 33 – 40.

10. Краткий справочник по городу Мурому. – Муром, 1911. – С. 5.

11. См.: Полевой П. Очерки русской истории в памятниках быта. – СПб., 1880. – С. 138.
12. Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII-XII вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV-XV вв. – М., 1992. – С. 186, 247.
13. Полосин И. И. Монастырские «объезды» Ивана IV (из истории военной политики России) // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. – М., 1963. – С. 75; Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. – М.-Л., 1948. – С. 34.
14. Антонов В. А. Род Ратши и предки А. С. Пушкина во Владимирском крае // Записки владимирских краеведов. – Владимир, 2004. – Вып. 6. – С. 76.
15. См., например: Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 96; Черепнин Л. В. К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства // Города феодальной России. – М., 1966. – С. 109; Смирнов Ю. Муром: город на особицу (субъективные заметки о муромском менталитете). – Владимир, 2013. – С. 62-64.
16. Там же. – С. 74.
17. Курбский А. М. История о великом князе Московском. – СПб., 1913. – Стб. 58.
18. Новосельский А. А. Указ. соч. – С. 29-30; Антонов В. А. Указ. соч. – С. 76.
19. Творогов О. В. Древняя Русь. События и люди. – СПб., – 2001. – С. 149; Козляков В. Н. Служилый город Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). – Ярославль, 2000. – С. 45.
20. Шишкин Н. История города Касимова с древнейших времен. – Рязань, 1999. – С. 125.
21. Тирпигорев С. Н. Стенькин гром // Исторический вестник. – 1890 г. – Июль. – С. 50-51.
22. Краткий справочник по городу Мурому. – Муром, 1911. – С. 5.
23. Early Voyages and Traveles to Russia and Persia by Antony Jenkinson and others Englistmens. – London, 1886. – P. 44-45; Фоменко И. К. Руссия, Московия и Владимирщина на средневековых европейских картах // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 62.
24. Юстен Павел. Посольство в Московию в 1569-1572 гг. – СПб., 2000 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krotov.info/acts/16/3/1569iust.html>.
25. Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599-1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). – М., 1991. – С. 176.
26. Де Ерлезунд Петр Петрей. История о великом княжестве Московском. – М., 1867. – С. 28.
27. Курбский А. М. Указ. соч. – Стб. 17.

28. Котов Ф. А. О ходу в персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урзум, где корабли приходят // Временник. – 1852. – Кн. XV. Цит. по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://go.mail.ru/search?mailru>

29. См., например: Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. – Владимир, 2010. – С. 21-22; Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. – Владимир, 2010. – С. 24-25.

30. Книга городского дела Я. П. Загрязского, 1665 // НИИОР РГБ. – Ф. 178. – № 1394; Г. Муром. Книги городского дела. 1676, 1678 // НИИОР РГБ. – Ф. 1708. – № 1402.

31. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. – М., 1977. – С. 233.

32. Бакмейстер Г. Х. Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. – СПб., 1771. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 130.

33. Рязский Г. А. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. – Владимир, 1906. – С. 53.

34. Токмаков И. Муром. Материалы для историко-статистического описания города в связи с церковно-археологическим обзором священных достопамятностей этого края с IX по XIX столетие. – М., 1887. – С. 8.

35. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии / Сост. Н. Н. Ушаков. – Владимир, 1913. – С. 315, 316.

36. Пехов В. И. Муром в прошлом и настоящем. – Муром, 1913. – С. 17.

37. Гуляницкий Н. Ф. при участии Агафонова С. А. Города южной и юго-восточной частей Московского государства // Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков. – М., 1994. – С. 187.

38. Подробнее об изображениях муромского кремля см.: Смирнов Ю. М., Сухова О. А. Указ. соч. – С. 219-234.

39. МИХМ. – Инв. № 6604, М-6607, 6643. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. – М., 2004. – Кат. 19, 39; ГИМ. – Муз. 3789; РНБ. – Ф. I. 832; Сухова О. А. Икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. – М., 2006.

40. См., например: Смирнов Ю. М. Город в аспекте культурологии // Столичные и периферийные города Руси и России в среднее и раннее новое время XI-XVIII вв. – М., 2003. – С. 339-345.

41. Повесть о водворении христианства в Муроме // Памятники старинной русской литературы. – СПб., 1860. – Т. 1. – С. 229; изображения икон см.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома.

42. Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. – Владимир. – 1903. – С. 2.

43. См.: Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Указ. соч.

44. МИХМ. Инв. № 6788. 32x27. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома.

45. Олеарий А. Описание путешествия в Московию в XVII в. – СПб., 1905.

46. Дьяконова Ю. Путешествие в Московию в гравюрах Николааса Витсена // Антиквариат. – 2004. – № 10. – С. 72-75.
47. Там же. – Ил. с. 75.
48. Сазонов С. В. План Муромской крепости. XVIII в. // Муромский сборник. – Муром, 1993. – С. 5-8.
49. Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII века. – Л.-М., 1953. – С. 184.
50. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М., 1988. – С. 59-60.
51. Копия конца XX в. хранится в НА МИХМ. – Б/н.
52. Травчетов Н. П. Указ. соч.
53. См.: РГАДА. – Ф. 192. Картографический отдел МГАМИД. Владимирская губерния. № 3 // Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. – С. 262-263.
54. Там же.
55. Тихонравов К. Город Муром, история его и древности // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. – М., 1857. – С. 81.
56. Титов А. А. Указ. соч. – С. 68.
57. НА МИХМ. План 1780-х годов. – Б/н.; М-12212; М-12213; М-12226; М-12227; М-12313; М-12314; план 1864 г. – Б/н.
58. См.: История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца XX века. – С. 110.
59. Гуляницкий Н. Ф. при участии Агафонова С. А. Указ. соч. – С. 188.
60. Записки путешествия академика Лепехина. – СПб., 1821. – Т. 1. – С. 39, 54-56; Палас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1809. – Ч. 1. – С. 52-54.
61. См., например: Травчетов Н. П. Указ. соч. – С. 84.
62. Курбанин. Вид Мурома (рис. кон. XVIII в.; копия Н. Г. Добрынкина кон. XIX – нач. XX вв.); Курбанин. Старый Муром (рис. кон. XVIII в.; копия Мяздрикова, кон. XIX – нач. XX вв.). НА МИХМ.
63. См., например: Травчетов Н. П. Указ. соч. – С. 34; Гуляницкий Н. Ф. при участии Агафонова С. А. Указ. соч. – С. 187; Чернышев В. Я. Социально-экономическое развитие города Мурома в первой четверти XVII в. // Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. – Владимир, 2010. – С. 6; см: Смирнов Ю. М. Вероятность реконструкции и реконструкция вероятности (об историко-краеведческих стереотипах в изучении Мурома) // Уваровские чтения – VII. – Владимир, 2011. – С. 308-319.
64. Тверской Л. М. Указ. соч. – С. 54.
65. Подробнее об этом см.: Смирнов Ю. М., Баранов А. А. Реконструкция плана муромского кремля XVII века // Сообщения Муромского музея-2010. – Владимир, 2011. – С. 5-28; они же. К вопросу о реконструкции плана муромского кремля первой половины XVII века // Яхонтовские чтения. – Рязань, 2012; Смирнов Ю. М. Этапы реконструкции муромского кремля XVII века // Город средневековья и раннего Нового времени. Археология. История. – Тула, 2013. – С. 153-160.

66. Тверской Л. М. Указ. соч. – С. 55.

67. Сазонов С. В. Из истории муромского кремля XVII века. – Уваровские чтения – VIII. – Владимир, 2012. – С. 10-13.

68. Книга городского дела города Муром 1678 // НИОР РГБ. – Ф. 178 (Музейное). – № 1402.

69. Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии. – С. 315; Пехов В. И. Указ. соч. – С. 17.

70. МИХМ. Инв. № М-6666. 113x103 см. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муром. – С. 178-180. Кат. 23.